

ОБ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

О.В. Загоровская, С.А. Есмаеел

Воронежский государственный педагогический университет

Аннотация: Статья посвящена иноязычным заимствованиям в русской политической лексике, их роли в формировании названной подсистемы русского языка, времени вхождения в русский язык, особенностям структурно-семантического преобразования в ходе исторического развития русского языка. Рассматривается вопрос об иноязычных неологизмах в современном русском политическом лексиконе.

Ключевые слова: политическая лексика, заимствование, неологизм, семантика, развитие русского языка.

Annotation: The article focuses on foreign borrowings into the lexicon of Russian politics, their role in the formation of this subsystem of the Russian language, the period of their borrowing into Russian, the characteristics of their structural and semantic transformation during the course of the Russian language development. Also, the article deals with the problem of foreign neologisms in the modern Russian political lexicon.

Key words: political lexicon, foreign borrowing, neologism, semantics, language development

В новейший период развития русского языка в его лексическом составе происходят значительные изменения, обусловленные социально-политическими, экономическими и идеологическими трансформациями в России на рубеже XX—XXI вв. Названные изменения, в первую очередь, затрагивают те тематические группы лексики, которые непосредственно отражают социально-политическую организацию российского общества, его экономику и культуру. К числу лексических разрядов современного русского языка, в которых процессы динамического развития проявляются особенно активно, относится сфера политической лексики как важнейшей составляющей политического языка современной России.

В настоящее время в научной лингвистической литературе все более прочно утверждается мысль о том, что политический язык может рассматриваться не только как «структурированная совокупность знаков, образующих семиотическое пространство политического дискурса» [1, 22], но и как самостоятельная, хотя и весьма своеобразная языковая подсистема, отличающаяся аксиологичностью (явной и скрытой), идеологически обусловленной многозначностью ее составляющих, семантической и стилистической незамкнутостью, а также чрезвычайной подвижностью, динамичностью и быстротой реагирования на любые изменения в обществе (см. работы О.И. Воробьевой, А.П. Чуди-

нова, С.В. Какориной, Г.А. Заварзиной, Е.И. Шейгал, Н.А. Ожеван, Ю.В. Ошеевой и др.).

Значимость проблем изучения политического языка в современной России послужила основанием для формирования в русистике в последнее десятилетие XX в. нового научного направления — политической лингвистики [2], в рамках которой в настоящее время развивается целая группа частных научных направлений, в том числе ориентированных на изучение отдельных уровней политического языка: фонетического, лексического, синтаксического. По мнению А.П. Чудинова, «каждый новый поворот в историческом развитии государства приводит к языковой «перестройке», создает свой лексико-фразеологический тезаурус, включающий также концептуальные метафоры и символы. Поэтому вполне закономерно множество исследований по проблемам политического лексикона постсоветского периода» [2, 20].

В современной лингвистической литературе представлены научные работы, ориентированные на описание современного русского политического языка в различных аспектах: тематическом и номинативно-оценочном [3; 4; 5; 6]; функционально-стилистическом и структурно-семантическом [7; 8; 9; 10; 11]; концептуальном [12; 13; 1; 15]. Имеются также научные сочинения, в которых представлены попытки разноаспектного описания русского политического лексикона в последнее десятилетие XX в. [16]. Вместе с тем обобщающих исследований, раскрывающих особенности русской

политической лексики конца XX — начала XXI вв. до сих пор не существует, и многие вопросы, касающиеся названной проблемы, остаются недостаточно изученными. Сказанное в значительной мере относится к вопросам об иноязычных заимствованиях в русской политической лексике, их роли в формировании соответствующей подсистемы русского языка и времени вхождения в русский язык.

Общеизвестно, что в политическом лексиконе русского языка иноязычные составляющие (слова и словосочетания) всегда занимали значительное место и само формирование соответствующей терминологии во многом определялось процессами заимствования. В научной лингвистической литературе до недавнего времени широкое распространение имела точка зрения, согласно которой иноязычные элементы политической тематики, как и другие иноязычные заимствования, особенно активно пополняли русский язык в Петровскую эпоху и во второй половине XIX — начале XX в. [17;18;19; 20; 21]. Во многих же новейших исследованиях, в том числе посвященных общим проблемам развития русского языка в постсоветский период, высказывается мнение о том, что и на рубеже XX—XXI вв. заимствование новой иноязычной лексики сферы политики, как и лексики сфер рыночной экономики, массовой культуры, отдыха и развлечений, техники, спорта и т. п., «приобрело исключительно широкий размах» [22, 23]. Ср.: [24; 16; 25;26;23]. Подобное утверждение представляется излишне категоричным и применительно к собственно политической лексике не вполне правомерным.

Изучение вопроса об истории заимствования русским языком лексических единиц политической тематики и анализ лексикографических источников, безусловно, подтверждают тот факт, что уже в Петровскую эпоху (конец XVII- начало XVIII вв.) в русский язык вошли многие принципиально важные для политического лексикона термины-интернационализмы, заимствованные, в основном, из французского и немецкого языков и восходящие к латинским или греческим корням, а в отдельных случаях и непосредственно к латинскому языку. При этом, как справедливо указывается в научной литературе, далеко не во всех случаях представляется возможным определить, из какого языка-источника заимствовано то или иное слово [27, 2]. К числу заимствований Петровской эпохи относятся многие лексемы, обозначающие субъекты политической деятельности, ее виды и способы органи-

зации, характер политической системы, политическую идеологию. Ср.: *партия* (фр. parti, нем. Partei < лат. pars (partis) часть, группа [28, 570]); *революция* (фр. révolution < лат. revolutio откатывание; круговорот [28, 655; 29:II, 104-105]); *диктатура* (лат. dictātūra < diktāre предписывать [28, 256]); *республика* (< лат. res pūblica общественное дело; государство [28, 671], в [29:II, 113] с указаниями: «В русском языке это слово известно с начала XVII в., но в первое время оно употреблялось со значением более широким: «государство вообще (хотя бы и монархическое)» или даже «самоуправляющаяся область, часть государства», «современное значение слова республика установилось уже к концу XVIII в.», «из западноевропейских языков»); *демократия* (фр. démocratie < греч. dēmos народ + kratos власть [28, 239], в [29:II, 240] с указанием «из западноевропейских языков»); *министр* (фр. ministre, нем. Minister < лат. minister regis помощник, слуга царя [28, 491], в [29:I, 533] с указаниями: «первоначально в значении «посол», «посланник», «доверенное лицо в правительстве в иностранном государстве», «в русском языке, возможно, — из французского»); *кандидат* (фр. candidate < лат. candidatus одетый в белое: в Др. Риме соискатель государственной должности надевал белую тогу [28, 330], в [29: I, 373—374] с указанием «в русском языке — из нем. или голл.»); *депутат* (нем. Deputat < лат. dēputatus предназначенный [28, 242], в [29:I, 242] с указанием «известно с конца XVII — нач. XVIII в.»); *администрация* (нем. Administration < лат. administratio управление, руководство [28, 41], в [29: I, 29] с указанием «первоисточник — лат. administratio»); *анархия* (< греч. anarchia безначалие, безвластие; неповиновение властям, произвол [28, 66], в [29:I, 42-43] с указанием «из западноевропейских языков»); *лозунг* первоначально в значении «сигнал» (нем. Losung лозунг, пароль [28, 444; 21, 284]); *империя* (лат. imperium власть; государство [28, 297], в [29:I, 344] — с указанием «в русском языке едва ли западноевропейского происхождения», «возможно, в русском языке — непосредственно из лат.»); *конституция* (фр. constitution < лат. cōstitutio установление, устройство [28, 387], в [29:I, 423] с указаниями: «вообще из западноевропейских языков, но в начале XVIII в., возможно, из польского») и др.

Само слово *политика* также появилось в русском языке в эпоху Петра I и было заимствовано из западноевропейских языков. Первоисточником названной лексемы явилось греческое слово politikē — «искусство управления государством,

государственная деятельность», которое первоначально проникло в латинский язык (*politikus* — «имеющий отношение к государственным делам, политический»), а с XIII—XIV вв. появилось во французском языке, а затем и в других западноевропейских языках: фр. *politique*, нем. *Politik*, англ. *politics*, голл. *politiek* [29:II, 52; 28, 608].

Исследования показывают, что в XVIII в. в русском языке уже существовали заимствованные в XVII в. и активно используемые в настоящее время слова *канцлер* (нем. *Kanzler* < лат. *cancellarius* начальник канцелярии [28, 333]; *канцелярия* [польск. *kancelaria* < лат. *cancellaria* < *cancelli* ограда, загородка [28, 332], в [29:I, 375] с указанием «в русском языке слово *канцелярия* известно с 1-й пол. XVII в.»); *секретарь* (фр. *secrétaire* < лат. *secretarium* уединение [28, 698], в [29:II, 150—151] с указаниями: «в русском языке слово *секретарь* известно, по крайней мере, с XVII в.», «вероятно, из нем. яз.»); *парламент* (нем. *Parlament*, англ. *parliament*, фр. *parlement* < фр. *parler* говорить [28, 568], в [29, 7] с указаниями: «слово *парламент* в русском языке известно с 1-й половины XVII в.», «возникло на французской почве ... первоначально «беседа», потом «совещание юристов», значение «парламент» — с 1-й четверти XIX в. под влиянием англ. *parliament*, которое само из старофранцузского. В русском языке, может быть, из немецкого»); *президент* (нем. *Präsident* < лат. *praesidans* (*praesidentis*) букв. сидящий впереди [28, 619], в [30, 222] с указанием «в значении «выборный руководитель некоторых обществ» — сер. XVII в.; в значении «глава государства в стране с республиканской формой правления» — 2 пол. XIX в.»); *сенат* (лат. *senatus* < *senex* старый, старец [28, 702]); *сенатор* (нем. *Senator* < лат. *senator* [40, 702]); *конституция* (фр. *constitution* < лат. *constitutio* установление, устройство [28, 387]; см. об этих словах также [18, 62—74; 21, 255, 275; 31, 59—71]).

Интересно отметить, что многие из иноязычных заимствований политической тематики активно использовались в первой русской газете «Ведомости», первый номер которой, лично отредактированный Петром I, вышел 2 января 1703 г. [21, 280—284]. Как указывается в специальной литературе, новые иноязычные заимствования XVII—XVIII вв., не будучи полностью освоенными русским языком, газетах, приказном языке, переводах научных книг, дипломатической переписке, текстах законов, уставов и наставлений часто пояснялись русскими словами и употреблялись как синонимы русских слов: *сенат* — *палата*; *сенаторы* — *бояре*, *палат-*

ные люди; *президент-председатель*; *резиденция* — *местонахождение*; *министр-боярин*; *конституция-устав*; *верные патриоты* — *сыны отечества* [21, 255; 277—279; 31, 69—70].

В первой половине XIX в. состав политической лексики русского языка продолжал пополняться иноязычными словами. В названный период времени в русский язык вошли лексемы *либерал* (фр. *liberal* < лат. *liberâlis* свободный [28, 434], в [29:I, 479] с пометой «из французского»); *нейтралитет* (нем. *Neutralität* < фр. *neutralité* < лат. *neuter* ни один из обоих [28, 520]); *федерация*, *федеративный*, *федерализм* (фр. *federalisme* < лат. *foedus* союз; договор [28, 818]; в [29:II, 306] с пометами: «из западноевропейских языков», «источник-лат.»); *дипломат* (фр. *Diplomate* < греч. *diplōma* сложенное вдвое письмо, документ [28, 259], в [29:I, 254] с пометой «заимствовано из фр. яз.»); *пропаганда* (нем. *Propaganda*, фр. *propagande* < ср.-лат. *congregatio* de *propaganda fide* — назв. основанной римским папой Урбаном VII в 1623 г. организации для распространения католической веры < лат. *grōrāgare* распространять [28, 631], в [30, 225] с пометой «начало XIX в.»).

Значительную активность процессы заимствования русским языком иноязычных слов политической тематики приобрели во второй половине и особенно в конце XIX в. — начале XX в., что было в значительной мере связано с развитием в России капитализма, а вместе с ним — революционного движения, с проникновением с Запада различных политических и социально-экономических теорий и учений [27, 75]. В названный период в русский язык входили целые группы лексем не только из французского и немецкого языков, но и английского языка: *митинг* (англ. *meeting* < *to meet* собираться, сходиться [28, 494], в [29:I, 535] с пометой «в русском языке известно с середины XIX в.»); *бойкот* (англ. *boycott* [28, 135]; в [29:I, 100] с пометой «сущ. *бойкот* появилось в начале 1900 годов»); *спикер* (англ. *speaker* < *to speak* говорить [28, 731], в [30, 253] с пометой «2 пол. XIX в.»); *фракция* (фр. *fraction*, нем. *Fraktion* < лат. *fractio* разламывание [28, 845], в [29:II, 324] с пометой «слово французское, как политический термин вошло в русский язык в 60-х гг. XIX в.»); *центризм* (нем. *Zentrismus* < греч. *kentron* острие; средоточие [28, 868], в [29:II, 336] с пометой «первоисточники в западноевропейских языках»); *премьер* (фр. *premier-ministre* букв. первый министр [28, 620], в [30, 222-3] с пометой «2 пол. XIX в.»); *сепаратизм* (фр. *separatisme* < лат. *separatus* отдельный, особый

[28, 704], в [30, 246] с пометой «сер. XIX в.»); *пролетарий* (фр. *proletaire* < лат. *prōletārius* принадлежащий к неимущему слою граждан Др. Рима [28, 630], в [29:II, 71] с пометами: «в русском языке слово *пролетарий* известно с 40 — 50-х гг. XIX в.», «к началу 60-х гг. в общерусском языке это было обычное слово (в значении «бедняк», «неимущий»); *Интернационал* (фр. *Internationale* < лат. *inter* между+ *natio*(*natiōnis*) племя, народ [28, 309], в [29:I, 353] с пометами: «в русский язык — из немецкого»; «в русском языке слово *Интернационал* вошло в употр. в конце 60-х — в 70-е гг. XIX в. в связи с распространением движения I Интернационала ... в России»); *социализм* (фр. *socialisme* < лат. *sociālis* общественный [28, 727], в [29:II, 191] с указаниями: «в русском языке слова *социализм* и *социалист* в общее употребление вошли, по крайней мере, с конца 50-х гг. XIX в.», «из западноевропейских языков»); *коммунизм* (нем. *Kommunismus* < лат. *commūnis* общий [28, 376-377]), в [29:I, 419] с указанием «в русском языке слово *коммунизм* известно с 40-х годов XIX в.»); *агрессия* (фр. *agression*, нем. *Aggression* < лат. *aggrēssio* нападение [28, 39], в [29:I, 28] с пометой «отмечено в словарях нач. XX в.»); *репрессия* (фр. *répression* < позднелат. *repressio* подавление [28, 670], в [30, 236] с пометой «2 пол. XIX в.»); *идеология* (нем. *Ideologic* < греч. *Idea* понятие, представление + *logos* учение [28, 288], в [30, 83] с пометой «2 пол. XIX в.»); *мэрия* в значении «городское управление» (фр. *meirie* < лат. *māior* больший, старший [28, 511], в [30, 197] с пометой «конец XIX в.») и др.

Как отмечается в научной литературе, к середине 10-х гг. XX в. процесс активного проникновения иноязычной лексики в русский язык значительно ослабел и уступил место процессам перехода политических терминов из разряда узкоспециальных и социально ограниченных в разряд широкоупотребительных [27, 75—77]. По замечанию С.О. Карцевского, в период 1914—1922 гг. XX в. роль заимствований стала совершенно иной. «Политический словарь уже сложился, новых заимствований сделано немного, и относятся они большей частью к политическим вопросам, связанным с войной» [32, 39]. Поэтому в конце 10-х — первой половине 20-х гг. XX века происходило в основном освоение иноязычных слов, заимствованных русским языком в предшествующее время. По наблюдениям исследователей, в конце первого — начале второго десятилетия XX в. в широкое употребление вошли политические термины *партия*, *митинг*, *фракция*, *бойкот*, *интернационал*, *манифестация*,

диктатура, *пропаганда*, *социалист*, *социализм*, *марксизм*, *бастовать* (нем. *Basta* < ит. *basta* довольно, достаточно [28, 119]; в [29:I, 77] отмечено, что современное значение этот глагол получил к концу XIX в.); *демонстрация* (фр. *démonstration* < лат. *dēmonstrāre* показывать [28, 239], в [29:I, 240-241] отмечено, что слово *демонстрация* вошло в русский язык в Петровское время, возможно, непосредственно из латинского языка в значении «показ, объяснение», «доказательство»; политическое значение у этого слова развилось позже под влиянием заподноевропейских языков); *кампания* (польск. *kampania* < фр. *campagne* поход; работа [30, 113] в значении «мероприятие для осуществления важной общественно-политической задачи» и др. [см. об этом 33, 28; 27, 80—82]).

В первые десятилетия советского периода развития русского языка новые заимствования лексики политической сферы были весьма немногочисленными, что во многом объяснялось особенностями экономической и политической жизни страны. В 20—30-е гг. XX в. на первый план выдвигались задачи реконструкции народного хозяйства и индустриализации, что определяло особую значимость не общественно-политической, а прежде всего научно-технической и производственной терминологии. Как отмечается в научной литературе, в названный период русский язык пополняется техническими и — в меньшей степени — спортивными и бытовыми терминами, и если в предшествующий период происходило активное освоение общелитературным языком «иноязычной общественно-политической, экономической и философской лексики, то теперь такому освоению подвергаются иные группы иноязычных слов, главным образом, научно-техническая и производственная терминология» [27, 96]; ср. [34]. Отдельные иноязычные заимствования, вошедшие в русский язык в 20—30-е гг. XX в., относились, в основном, к сфере военно-политической и идеологической: *агрессор* (нем. *Aggressor* < лат. *aggrēssus* [28, 39], в [27, 115] с указанием «впервые отмечено в СИС — 1933, а затем в СУ» (имеются в виду [35] и [36]), в [29:I, 28] с указаниями: «*агрессор* — из нем. (*Aggressor*) или английского (*agressor*), которые — из французского языка»; «в русском языке сначала появилось (во 2-й пол. XIX в.) прил. *агрессивный*, потом вошло в употребление слово *агрессия*, которое отмечается в словарях с начала XX в.»); *фашизм* (ит. *Fascismo* < *fascis* пучок, связка [28, 817]; *фашист* (ит. *fascista* фашист, в [29: II, 305] с пометой «из итальянского, где эта группа

слов появилась в 1919—1920 и следующих годах); *экстремизм* (фр. *extrémisme*), *экстремист* (фр. *extermiste*) [28, 912], в [29: II, 444] с указанием «в русском языке слова *экстремизм*, *экстремист* известны с 30-х гг. XX в.); *пацифизм* (фр. *pacifisme*) [28, 576; 30, 214] и некоторые др.

Период 40-х и начала 50-х гг. XX в. характеризовался ещё большим ослаблением процессов иноязычного заимствования, что определялось общим отрицательным отношением в России ко всему иностранному, в том числе к иноязычной лексике, и идеологической борьбой против космополитизма. Отдельные иноязычные заимствования названного времени ограничивались, в основном, военной сферой и характеризовались наличием «отрицательной» семантики [27, 94—150]. Ср.: *фюрер* (нем. *Führer*) [40, 852], *гестапо* (нем. *Gestapo*) [28, 194], *абвер* (нем. *Abwehr*) [28, 27]; *диктат* (нем. *Diktat*) [28, 255], в [27, 142] с указанием «впервые отмечено в СИС—1949» (имеется в виду [37]). Иноязычные заимствования политического характера, не связанные непосредственно с военной тематикой и появившиеся в русском языке в первой половине XX в., весьма немногочисленны и характеризуются, как и большинство приведённых выше лексем, явно выраженной «отрицательной» семантикой, связанной с идеологической оценкой явлений враждебного «буржуазного» мира. Примерами подобных лексем являются: *коррупция* (нем. *Korruption* — [29, 401]; ср. [30, 159] с указанием на возможный английский источник — *corruption*, а также слово *конгрессмен* (англ. *congressman* — [28, 382; 30, 146], которое употреблялось в исключительно отрицательных контекстах типа «беснующиеся конгрессмены» [27, 145—146].

В 50—60-е и 70-е гг. XX в. процесс заимствования русским языком иноязычной лексики вновь несколько активизировался, хотя и весьма незначительно (по наблюдениям Л. П. Крысина, в газетной публицистике 50-х гг. XX в. почти не отмечается иноязычных неологизмов [27, 150]. При этом происходило расширение тематического и семантического круга заимствуемой лексики; русский язык пополнялся «иноязычной лексикой, связанной с различными сторонами жизни: научными и техническими терминами, словами, относящимися к политической, экономико-социальной, культурно-бытовой и т. п. сферами» [27, 151]. В середине XX в. в русском политическом словаре появляются, в основном, слова, заимствованные из английского языка: *апартеид* (англ. *apartheid* < африкаанс *apartheid* разобшение, раздельное про-

живание [28, 78; 30, 31; 27, 169]); *эскалация* (англ. *escalation* < лат. *scālae* лестница [28, 931; 30, 315; 27, 174]); *лобби* (англ. *lobby* букв. кулуары [28, 442; 30, 174], отмечено в [38]); *инаугурация* (англ. *inauguration* < лат. *inauguratio* начало [28, 298; 30, 91]); *импичмент* (англ. *impeachment* < to *impeach* порицать, обвинять [28, 297; 30, 89], отмечено в [39]); и некоторые др.

В 60 — 70-е гг. XX в. в русский язык проникают слова *брифинг* (< англ. *briefing* инструктаж < *buif* краткий, сжатый [28, 143]); *электорат* (фр. *électorat* < лат. *ēlector* выбирающий, избиратель [28, 914]); *устеблишмент* (< англ. *establishment* установление, основание [28, 317]); *джихад* (< араб. *džihad* война, борьба — [28, 249; 40, 307]); *ваххабиты* (по имени основателя — Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба, 1703-1787 [28, 158]. Все названные слова отмечены в [40, 46]; слово *устеблишмент* приводится также в [38] с вариантами *истэблишмент*, *устеблишмент*, *устаблишмент*).

Анализ научной литературы и лексикографических изданий 50-х — 80-х гг. XX в. позволяет говорить о том, что заимствование новых иноязычных слов политической тематики в названный период носило единичный характер; при этом многие иноязычные неологизмы, отмеченные в специальных словарях и словарях иностранных слов, оставались неизвестными большей части носителей русского языка.

В конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. в России возникли такие политические, экономические и культурные условия, которые определили предрасположенность российского общества к принятию новой и широкому употреблению ранее существовавшей иноязычной лексики. По словам Л. П. Крысина, смена государственности, переоценка многих социальных ценностей, открытая ориентация на запад в области экономики, политики, культуры, спорта, торговли, моды и др. — все эти процессы и тенденции, характерные для российского общества второй половины 80-х — 90-х гг. XX в., несомненно, послужили важным стимулом, облегчившим активизацию заимствования и употребления иноязычной лексики [27, 185].

Расширение лексики за счет иноязычных неологизмов стало одной из наиболее ярких тенденций развития русского языка в последние полтора десятилетия XX в. и на рубеже XX—XXI вв. [25; 26; 22; 24].

Вместе с тем, как показывают исследования, количество иноязычных неологизмов политической тематики, вошедших в русский язык на исходе

XX в. и в первое десятилетие XXI в., оказывается не очень значительным, при этом многие из подобных лексем связаны с обозначением не центральных, но периферийных понятий политической сферы. К числу новых иноязычных заимствований, связанных со сферой политики и вошедших в русский язык во второй половине 80-х — 90-е гг. XX в., а также на самом рубеже XX—XXI вв., относятся, например: *маргинал* (нем. Marginal < фр. marginal < лат. marginālis находящийся на краю [28, 461; 41, 70], в [30, 181; 35, 498] с указанием «конец XX в.»); *саммит* (англ. summit букв. вершина, верх [28, 690; 41, 100], в [39, 559] содержится указание на новое слово, в [42, 684] — указание «конец XX в.»); *антиглобализм* (фр. antiglobalisme, англ. antiglobalism < греч. anti + лат. globus шар [28, 73]; *консенсус* (< лат. cōnsensus согласие, единодушие — [28, 385; 43, 61]; *имидж* (< англ. image образ — [28, 295; 41, 48–49]), в [39, 264] содержится указание на относительно новое слово; [30, 87] с указанием «конец XX в.»); *спичрайтер* (англ. speech writer < speech речь, выступление + to write писать, сочинять — [28, 732]), представлено в [43, 95; 41, 106; 44, 945]; *скинхед* (англ. skinhead < skin кожа и head голова [28, 720; 44, 922], в [41, 103] в варианте *скин-хэд*); *секьюрити* (англ. security органы безопасности < secure безопасный [30, 245; 41, 101] в значении «система государственной безопасности, контрразведка»); *моджахед* (< перс. modžahād борец за веру — [28, 487; 41, 75]; в [40, 395] с указанием на новое слово) и некоторые другие. Ср. также из числа заимствований, не отмеченных в словарях 90-х гг. XX в.: *талибан* (< тадж. tolib < перс. taleb < араб. taleb ищущий, проситель [28, 759]; *имиджмейкер* (англ. image-maker < image образ + to make делать [28, 295]; *ниар* (< англ. PR — [28, 587; 44, 727]; *ВИП* и *VIP* (англ. сокр. Very Important Person особо важная персона — в том числе об имеющих привилегии лицах из властной структуры и управленческой номенклатуры [44, 204, 1126–1127]).

В настоящее время перечисленные иноязычные неологизмы, заимствованные, в основном, из английского языка, входят в состав наиболее актуальных, частотных и коммуникативно значимых лексем политической тематики современного русского языка. Исключение составляет лишь слово *конценсус*, утратившее в настоящее время свою коммуникативную активность [27, 147].

В целом, изучение иноязычных заимствований, входящих в политический лексикон русского языка постсоветского периода, позволяет утверждать,

что большую часть названного разряда словесных единиц, как и следовало ожидать, составляют слова, вошедшие в русский язык на прежних этапах его развития. Значительная часть из них до 90-х гг. XX в. и начала первого десятилетия XXI в. не относилась к числу широкоупотребительных и не входила в активный запас современного русского языка. В силу отмеченного обстоятельства многие актуализировавшиеся в настоящее время лексемы политической тематики воспринимаются как абсолютно новые, хотя на самом деле таковыми не являются. Сказанное касается, например, вошедших еще в середине XX в. в русский язык слов *импичмент*, *инаугурация*, *лобби*, *мэрия*, *рейтинг*; известных с XVII в. слов *парламент*, *сенат*, *сенатор*; вошедшего в русский язык в XVIII в. слова *триколор* [42, 760]; известного в русском языке со второй половины XIX в. слова *спикер* и ряда др.

Безусловно, «старые» иноязычные заимствования политической сферы, актуализировавшие свое употребление на рубеже XX—XXI вв., во многих случаях подверглись достаточно существенным функционально-семантическим изменениям. К числу таких изменений относится, прежде всего, развитие у слов новых значений, или ЛСВ. Так, например, у слова *спикер* в постсоветский период, помимо значения «в Великобритании: председатель нижней палаты парламента», сформировалось новое значение «председатель парламента или одной из его палат в некоторых странах» [28, 731]; у слова *рейтинг*, помимо значения «положение спортсмена (обычно игрока в шахматы, шашки) среди ему подобных, оцениваемое определенным числом баллов», развилось значение «степень популярности кого-либо (обычно политика, общественного деятеля и др.), устанавливаемая путем социологических опросов, опросов экспертов, голосования» [28, 662]; у слова *триколор* на базе исходного значения «трехцветное французское знамя сине-бело-красного цвета, принятое в 1789 г., символизирующее согласие между королем (белый-цвет династии) и Парижем (синий и красный — цвета герба Парижа)», развилось вначале значение «государственный флаг России, состоящий из трех цветов: белого, синего и красного» [30, 272], а позже более общее — «трехцветный государственный флаг» [28, 1001; 42, 760]. Процессы семантической деривации происходили в словах *республика*, *сенат*, *сенатор*, *лобби*, *мэрия*, *мэр*, *парламент* и многих других.

Другим типом функционально-семантических изменений, которые нередко сопутствовали про-

цессам актуализации иноязычных заимствований политической сферы на рубеже XX—XXI вв., является так называемая «переориентации номинаций», при которой слова, обозначавшие явления зарубежной действительности, меняли содержание денотативного компонента значения и начинали употребляться для номинации явлений и российской действительности. Подобные изменения произошли, например, в семантике иноязычных слов *парламент* (в советское время: «высшее государственное законодательное представительное собрание в капиталистических странах» [45:III, 24]; в постсоветское время: «высшее государственное законодательное представительное собрание», «высший представительный орган государственной власти, Федеральное Собрание РФ [28, 568; 40, 709]; *мэр* (в советское время: «глава муниципалитета, муниципального управления в некоторых зарубежных странах» [45: II, 319]; в постсоветское время: «глава городской администрации, глава исполнительной власти в некоторых городах» [44, 621].

Процессы переориентации номинаций могли быть связаны с переходом словесных знаков из разряда устаревших в разряд современных. Ср., напр., иноязычное слово *сенат*, которое в дореволюционный период развития русского языка, помимо значения «название верхней палаты парламентов многих буржуазных стран», имело значение «в дореволюционной России: правительственный орган, осуществляющий функции высшего суда и надзор за деятельностью правительственного аппарата» [45:IV, 76], а в новейший период развития русского языка стало употребляться как «неофициальное название Совета Федерации, верхней палаты российского парламента» [28, 903; 40, 903]. Ср. также изменения в семантике слова *губернатор*, имевшем в советский период развития русского языка не только значение «высшее должностное лицо в каждом из штатов США и некоторых странах Латинской Америки», но и значение «в дореволюционной России — начальник губернии, высшее должностное лицо губернской администрации» [44:I, 355], а в новейший период развития русского языка приобретшее значение «глава администрации региона России, являющегося субъектом Федерации» [44, 269]. В подобных случаях отвергнутые когда-то советским обществом «старые» иноязычные заимствования заполняют так называемые референциальные лакуны, образовавшиеся в результате переустройства общества.

К числу функционально-семантических изменений, наблюдаемых в иноязычных заимствованиях

современного русского политического лексикона, относятся также процессы деидеологизации многих лексических единиц, изменения их оценочности, развития эмотивной энантиосемии и некоторые др. О названных процессах в развитии общественно-политической лексики русского языка см., например [46; 7; 8; 23; 14]. Названные процессы, как правило, связаны с освобождением значений слов от идеологических смысловых приращений, обусловленных восприятием денатата сквозь призму господствовавшей в обществе в советский период развития русского языка коммунистической идеологии. Ср., например, снятие «идеологических наслоений» и изменение социальной оценочности иноязычных слов *плюрализм* (смысловое наполнение этого слова в словарях советского времени определялось как «философское учение, отрицающее единство мира и утверждающее, что в основе мира лежит множество самостоятельных, независимых видов бытия», «буржуазная социологическая теория, согласно которой общественно-политическая жизнь представляет собой конкуренцию множества политических групп, партий и организаций» [45:III, 147; 44, 468]); *капитализм* (значение данной лексемы определялось как «общественно-экономическая формация, основанная на частной собственности на средства производства и эксплуатации наемного труда капиталом» [45:II, 29]) и т. п.

Безусловно, наряду с процессами актуализации иноязычной лексики, вошедшей в состав русского языка на разных этапах его развития, в постсоветский период наблюдается также и пассивизация (деактуализация) многих иноязычных лексем, бывших в советский период истории русского языка высокочастотными. Как свидетельствуют исследования, из коммуникативного ядра современного политического лексикона на рубеже XX—XXI вв. вышли такие, например, номинации, как *материализм*, *коммунизм*, *революция*, *диктатура* и некоторые др.

В целом, изучение вопроса об иноязычных заимствованиях при формировании политической лексики русского языка позволяет сделать следующие выводы.

Прежде всего, очевидно, что расширение состава русской политической лексики за счет иноязычных неологизмов на разных этапах развития русского языка происходило с разной интенсивностью. При этом следует говорить лишь о двух наиболее ярких этапах активного и массового пополнения названного лексического разряда новой

иноязычной лексикой: Петровской эпохе и второй половине XIX — начале XX в. В другие периоды истории русского языка указанные процессы или не были столь интенсивными, или не затрагивали центральных составляющих русского политического лексикона.

Второй вывод касается современного состояния русской политической лексики. Проведенные исследования показывают, что на рубеже XX—XXI вв. расширение состава русского политического лексикона за счет иноязычных лексических неологизмов не может рассматриваться как одно из ведущих направлений его развития. Более значимыми являются процессы детерминологизации многих заимствованных ранее иноязычных номинаций, вовлечение в активное употребление иноязычных слов, вошедших в русский язык на предыдущих этапах его исторического движения и имевших до этого ограниченную сферу употребления, а также процессы семантической трансформации принятых уже русским языком словесных знаков или создания на их основе новых словообразовательных производных. Сделанный нами вывод полностью подтверждает высказанное еще в середине 90-х гг. XX в. мнение Л.П. Крысина, о том, что в новейший период развития русского языка следует говорить прежде всего об актуализации употребления иностранных слов в русской речи, а не только о новых заимствованиях [27, 184].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. — Волгоград : Перемена, 2000. — 368 с.
2. Чудинов А.П. Российская политическая лингвистика: этапы становления и ведущие направления / А.П. Чудинов // Вест. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2003. — № 1. — С. 17—29.
3. Лейберова Н.М. Терминология государственного устройства в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук / Н.М. Лейберова. — Л., 1984. — 162 с.
4. Мурадова Л.А. Семантико-функциональная характеристика общественно-политической лексики современного французского языка : дис. ... канд. филол. наук / Л.А. Мурадова. — М., 1986. — 189 с.
5. Крючкова Т.Б. Особенности функционирования и развития общественно-политической лексики и терминологии / Т.Б. Крючкова. — М. : Наука, 1989. — 151 с.
6. Карамова А.А. Оценочная общественно-политическая лексика и фразеология современного русского языка (вторая половина XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2002. — 20 с.
7. Заварзина Г.А. Семантические изменения общественно-политической лексики в 80-90 годы XX века (по материалам словарей и газетной публицистики) : дис. ... канд. филол. наук / Г.А. Заварзина. — Воронеж, 1998.
8. Заварзина Г.А. Без идеологических наслоений (Общественно-политическая лексика на исходе XX века) / Г.А. Заварзина // Русская речь. — 2000. — № 6. — С. 41—45.
9. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В.Г. Костомаров. — СПб. : Златоуст, 1999. — 320 с.
10. Курасова Е.В. Семантические неологизмы общественно-политической сферы в русском языке новейшего периода : дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Курасова. — Воронеж, 2006. — 237 с.
11. Есмаеел С.А. Основные типы инноваций в общественно-политической лексике русского языка новейшего периода / С.А. Есмаеел // Русский язык в современном мире : материалы междунар. науч. конф. : в 2 ч. / отв. ред. Л.В. Ковалева. — Воронеж : Воронеж. гос. арх.-строит. ун-т, 2007. — С. 83—85.
12. Жданова Л.А. Общественно-политическая лексика: структура и семантика : дис. ... канд. филол. наук / Л.А. Жданова. — М., 1996. — 224 с.
13. Воробьева О.И. Политическая лексика. Ее функции в современной устной и письменной речи / О.И. Воробьева. — Архангельск, 2000.
14. Какорина Е.В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) / Е.В. Какорина // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — М. : Языки русской культуры, 1996. — С. 67—89.
15. Убийко В.И. Концептосфера современного политического дискурса / В.И. Убийко // Политический дискурс в России — 5 : материалы постоянно действующего семинара (Москва, 22 апреля 2001 года). — М. : МАКС-Пресс, 2001. — С. 85—86.
16. Ошеева Ю.В. Политическая лексика и фразеология русского языка: 1985—2000 гг. : дис. ... канд. филол. наук / Ю.В. Ошеева. — Уфа, 2005. — 269 с.
17. Лексика русского литературного языка XIX — начала XX века. — М., 1981.
18. История лексики русского литературного языка конца XVII — начала XIX века. — М., 1981.
19. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века / Ю.С. Сорокин. — М., 1965.
20. Иссерлин Е.М. Лексика русского литературного языка XVII века / Е.М. Иссерлин. — М., 1961.
21. Камчатнов А.М. История русского литературного языка: XI — первая половина XIX века : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. пед. учеб. заведений / А.М. Камчатнов. — М. : Академия, 2005. — 688 с.
22. Стернин И.А. Что происходит с русским языком? Очерк изменений в русском языке конца XX века / И.А. Стернин. — Туапсе, 2000. — 72 с.
23. Сенько Е.В. Неологизация в современном русском языке конца XX века : дис. ... д-ра филол. наук / Е.В. Сенько. — Волгоград, 2000. — 260 с.

24. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке : учебное пособие для студентов вузов / Н.С. Валгина. — М. : Логос, 2001. — 304 с.
25. Загоровская О.В. Основные направления развития лексического состава русского языка на рубеже XX—XXI веков / О.В. Загоровская // Славистика. — Вып. VI (2002). — Белград, 2002. — С. 97—102.
26. Загоровская О.В. Расширение лексического состава русского языка как одно из основных направлений его развития на рубеже XX—XXI веков / О.В. Загоровская // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе : сборник науч. трудов. — Вып. I. — Воронеж : Научная книга, 2008. — С. 3—15.
27. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 888 с.
28. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. — М. : Эксмо, 2007. — 944 с.
29. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П.Я. Черных. — 8-е изд., стереот. — М. : Рус. яз. ; Медиа, 2007.
30. Словарь иностранных слов: актуальная лексика, толкования, этимология / Н.Н. Андреева, Н.С. Арапова и др. — М. : Цитадель, 1997. — 320 с.
31. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. : учебник. — 3-е изд. / В.В. Виноградов. — М. : Высш. шк., 1982. — 528 с.
32. Карцевский С.О. Язык, война и революция / С.О. Карцевский. — Берлин, 1923.
33. Селищев А.М. Язык революционной эпохи (из наблюдений над русским языком последних лет: 1917—1926 гг.) / А.М. Селищев. — М., 1928. — 248 с.
34. Русский язык и советское общество: Проспект. — Алма-Ата, 1961.
35. Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык / коллектив авторов; с прилож. грамматики, сост. Н.В. Юшмановым. — М., 1933.
36. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. — М., 1935—1940. — Т. 1—4.
37. Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина и Ф.Н. Петрова. — М., 1949.
38. Словарь иностранных слов / под ред. А.Г. Спиркина, И.А. Акчурина, Р.С. Карпинской. — 7-е изд., перераб. — М., 1979. — 624 с.
39. Новые слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Е.А. Левашов, Т.Н. Поповцева, В.П. Фелицына и др.; под ред. Н.З. Котеловой ; АН СССР. Ин-т рус. яз. — М., 1984. — 808 с.
40. Сводный словарь современной русской лексики : в 2 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; под ред. Р.П. Рогожниковой. — М. : Рус. яз., 1991. — Т. 1—2.
41. Комлев Н.Г. Словарь новых иностранных слов (С переводом, этимологией, толкованием) / Н.Г. Комлев. — М. : Изд-во МГУ, 1995. — 144 с.
42. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. — М. : Эксмо, 2007. — 944 с.
43. Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / Л.М. Баш, А.В. Боброва и др. — Изд. 7-е, стереот. — М. : ЦИТАДЕЛЬ-ТРЕЙД, 2006. — 960 с.
44. Комлев Н.Г. Иностранное слово в деловой речи (Краткий словарь новых слов с переводом и толкованием) / Н.Г. Комлев. — М. : МКЦДИ, 1992. — 130 с.
45. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складневской. — М. : Эксмо, 2006. — 1136 с.
46. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой ; АН СССР, Ин-т русского языка. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Рус. яз., 1981—1984. — Т. 1—4.
47. Ермакова О.П. Семантические процессы в лексике / О.П. Ермакова // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — М. : Языки русской культуры, 1996. — С. 32—66.

Воронежский государственный
педагогический университет

О.В. Загоровская, доктор филологических наук,
профессор, зав. кафедрой русского языка
olzagor@yandex.ru

С.А.Есмаеел, аспирант кафедры русского языка

Voronezh State Pedagogical University

O.V. Zagorovskaya, Doctor of Philological Science,
Professor, Head of the Department of Contemporary
Russian Language
olzagor@yandex.ru

S.A. Esmaeel postgraduate student of the Department
of Contemporary Russian Language